

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Е.В. Австрийсков, канд. ист. наук, доц. кафедры политологии Волгоградского Государственного технического университета*

А.С. Сухова, канд. соц. наук, доц. кафедры политологии Волгоградского Государственного технического университета**

И.Г. Селезнева, канд. соц. наук, доц. кафедры политологии Волгоградского Государственного технического университета***

СПЕЦИФИКА ЖЕНСКИХ ДЕВИАЦИЙ В ЦАРИЦЫНЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

E.V. Avstrijskov,
A.S. Sukhova,
I.G. Selezneva

THE SPECIFICITY OF FEMALE DEVIANCE IN TSARITSYN THE END OF XIX — BEGINNING OF XX CENTURIES

В данной работе была проанализирована природа и специфика женских девиаций в Царицыне конца XIX — начала XX в., описаны основные социально-экономические факторы, способствующие развитию аномии в данный исторический период в обществе. Исследован мотивационный комплекс, структура и формы женского девиантного поведения, представлены тенденции развития женских девиаций.

Ключевые слова: модернизация, женское девиантное поведение, аномия, личностная дезорганизация, маргинализация, экономическая стабильность, социальная норма, экономический кризис, поведенческие ожидания, социальное благополучие.

In this work there were analyzed the nature and specifics of female deviance in Tsaritsyn at the end of XIX — beginning of XX centuries, and also there was described the main socio-economic factors contributing to the development of anomie in this historical period in the society. There was investigated the motivational complex, structure and form of the women's deviant behavior, and there were presented trends of the development of female deviance.

Key words: modernization, women's deviant behavior, anomie, personal disorganization, marginalization, economic stability, social norm, the economic crisis, behavioral expectations, social welfare.

* Австрийсков Евгений Викторович, e-mail: avstr73@mail.ru

** Сухова Анна Сергеевна, e-mail: belousov34@yandex. ru

*** Селезнева Ирина Геннадьевна, e-mail: irinaselezneva@bk.ru

Специфическая структура гендерных исследований предполагает системный анализ половой дифференциации не столько в качестве биологически определенной, сколько в качестве социальной структуры. Гендерные особенности непосредственно связаны с конкретными особенностями социальной адаптации индивидов и представляет собой социальную конструкцию. Состояние и анализ девиантного поведения является одной из важных характеристик развития общества, своеобразным показателем его благополучия и стабильности. Девиация вообще и женская, в частности, связана с конкретными историческими условиями жизни общества, т.е. зависит от множества экономических и социальных факторов.

Достаточно сложным историческим этапом для России была вторая половина XIX в. Этот период характеризовался совокупностью процессов индустриализации, урбанизации, изменения механизмов политической власти. В Нижнем Поволжье в это время наблюдалось бурное экономическое развитие, активное вовлечение женщин в производственную и социальную деятельность. На этой основе шло постепенное изменение восприятия правового статуса данной группы и психологии их поведения. Царицын быстро развивался и становился одним из торгово-промышленных центров, с каждым годом привлекающих все большее количество рабочего люда, число которого в летний сезон превышало число коренных жителей. Некоторые сезонные работники обосновывались в Царицыне, другие приезжали весной и уезжали осенью/зимой с закрытием навигации.

Надо отметить, что еще в середине XIX в. Царицын отставал в своем развитии от быстро развивающихся соседних городов (например, Саратова). Общая площадь Царицына в то время равнялась трем верстам (с предместьем — до шести верст). Жители города разводили сады, выращивали бахчевые культуры, содержали постоянные дворы и ловили рыбу. Из Волги ежегодно вылавливали стерлядь, осетра, белорыбицу, севрюгу, судака, сазана на 30 тысяч рублей серебром. В городе также существовало много торговых лавок: 30 молочных, 10 мучных, 4 рыбных, 15 мясных и др. Имелась городская больница на 45 коек, 3 частных богадельни для вдов, убогих и сирот. Современники и путешественники того времени отмечали, что простые люди ходили в одних рубашках, а муниципальные советники только в торжественных случаях надевали на себя ситцевые халаты и сапоги.

В 1868 г. было начато и в том же году закончено строительство Грязе-Царицынской железной дороги, а в 1897 г. была открыта Ца-

рицын-Тихорецкая железная дорога¹. Связь с пристанями осуществляли построенная Волжская станция и железная дорога, соединившая по берегу Волги лесные и соляные причалы с основными железнодорожными магистралями. Город превратился в мощный узел железнодорожных и судоходных путей. Через Царицын по Волге отправляли донецкий уголь и руду на Урал, а лес и бакинскую нефть — на Украину. Царицын был также связан с Ригой, а русский хлеб и лес через волжский город стали вывозить за границу. В надежде на богатую добычу сюда устремился русский и иностранный капитал. Известные промышленники, братья Максимовы построили здесь свои лесозаводы, появилась шведская фирма нефтепромышленников Нобелей, пароходы Зевеке швартовались к собственным пристаням. В конце XIX — начале XX в. были построены и начали работать гвоздильно-проволочный завод братьев Серебряковых, механический завод промышленника Барышева, металлообрабатывающий завод Грабилина. Легкая промышленность в Царицыне была представлена несколькими кожевенными заводами, мыловаренным заводом купца Кулыгина, двумя ватными и одной чулочной фабриками. Работали также две крупные паровые мукомольные мельницы, четыре пивоваренных завода и один водочный, около двух десятков колбасных и кондитерских заведений.

Таким образом, можно сделать вывод, что Царицын по сути за полстолетия превратился в самый развитый индустриальный центр юго-востока России. Если в 1861 г. в Царицыне проживало 7 тыс. жителей, то в 1897 г. их было уже 56,5 тыс., а в 1903 г. — 79,8 тыс. Будучи уездным городом, Царицын по числу жителей обогнал такие развитые губернские центры, как Владимир, Калуга, Кострома, Вятка, Орел, Пермь, Смоленск, Тверь, Тамбов, Рязань, Уфа и др. Именно за высокие темпы роста населения Царицын в то время называли “русским Чикаго”.

Процесс модернизации российского общества принес в Царицын не только много позитивных перемен, но, разрушая традиционный уклад жизни, способствовал развитию девиантного поведения населения, в том числе и его женской части.

Само положение Царицына — крупного узла железнодорожного и водного транспорта — способствовало тому, что он сделался перевалочным пунктом как для проезжающих “гастролирующих” профессиональных преступниц, так и для транспортировки и сбыта разного имущества преступного происхождения. Специальные криминологические исследования свидетельствуют, что наряду с самым

¹ См.: Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-249. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.

популярным среди женщин-преступниц способом тайного похищения чужого имущества — так называемым свободным доступом — женщины все чаще стали прибегать к таким традиционно мужским приемам, как проникновение в жилище или помещение путем взлома окна, выбивания двери, взлома замка и даже стены (в общей сложности в 35% случаев)². В преступлениях более сложных по способу совершения (поджог застрахованного имущества для получения страховки, мошенничество, разбой, грабеж), женщины выступали в роли соучастниц. Преступления против личности, как правило, были направлены против близких людей (детей, мужей, родственников, сожителей). Правонарушительницы, в отличие от мужчин, больше тяготели к скрытым способам убийства — отравление, убийство во сне и др. Выделялись типично женские преступления — плодоизгнание и детоубийство. Девиации против общественного порядка (беспатентная торговля вином, клевета, незаконное сожительство) совершались женщинами довольно часто и были очень схожи с мужскими правонарушениями данного рода³. Девиации против порядка управления занимали значительное место в общем количестве женских правонарушений, однако наказанию подвергались далеко не всегда. Как правило, при погроме помещичьих имений или сопротивлении властям, которые составляли основную массу правонарушений данного вида, женщины не выступали в роли организаторов и не принимали активного участия, ограничиваясь мелкими кражами. Подавляющая масса преступлений против веры была связана с принадлежностью к деструктивным сектам, в которых женщины, как правило, составляли большинство. Преступления против постановлений государственных и земских (нарушение постановления о повинностях земских и военной службы), против имущества и даров казны (изготовление фальшивых денег или нарушение разного рода уставов, например, монетного, о соли и других) можно считать типично мужскими правонарушениями, женщинами они совершались крайне редко.

Комплиментарная структура женской преступности в значительной мере определялась положением женщины в обществе, семье, уровнем образования, образом жизни и менталитетом. В видовой структуре женских преступлений преобладали корыстные правонарушения над насильственными. Мелкие корыстные преступления (кражи, беспатентная торговля вином и другие), составлявшие по-

² См.: Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-249. Оп. 2. Д 1. Л. 9.

³ См.: Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-249. Оп. 2. Д 1. Л. 12.

давяющее большинство, совершались женщинами в одиночку. Как уже говорилось выше, в корыстных преступлениях, более сложных по способу совершения (поджоги застрахованного имущества, разбой, грабежи, мошенничество, изготовление фальшивых денег или нарушение разного рода уставов, например, горного, монетного, о соли и др.), женщины фигурировали лишь как соучастницы. В насильственных преступлениях женщины нередко проявляли далеко не женскую жестокость. “Львиную долю” женских жертв составляли дети, мужья, ближайшие родственники, на жизнь которых женщина, как правило, покушалась самостоятельно. При посягательстве на жизнь посторонних людей правонарушительницы в большинстве случаев прибегали к помощи мужчин⁴.

Изучение женского девиантного поведения дает возможность для более системного анализа экономических, политических, правовых и других аспектов существования женщин во второй половине XIX в., способствует формированию представления о том, как менялось их положение в провинциальном обществе под влиянием модернизационных процессов в условиях разрушения патриархальных устоев, постепенной трансформации семьи и ценностных ориентаций. Исследование девиантного поведения женщин помогает дополнить представление о сферах семьи, частной жизни, традиционно приоритетных для женщины, дает возможность выявить последствия активного включения женщин в производственную и социальную деятельность.

Регионально ориентированное изучение женской преступности, ограниченное рамками Царицына, одного из развитых провинциальных городов поволжского региона, позволяет проанализировать основные особенности женского девиантного поведения того времени. Специализация региона юго-востока России откладывала отпечаток на развитие города в целом и способствовала ломке традиционного общества. Несмотря на реформы и начавшуюся модернизацию, разрушение патриархальных устоев происходило крайне медленно. В большей степени эти процессы влияли на мужское население. Провинциальная женщина, особенно в небольшом городе, по-прежнему была замкнута в круге семейных забот и крайне мало была втянута в общественную и производственную деятельность. Положение женщины в уголовном праве во второй половине XIX в. рассматривается в “Уложении о наказаниях уголовных и исправительных” 1845 г., являвшемся базовым законодательством уголовного права данного исторического периода. Подробный ана-

⁴ См.: Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-249. Оп. 2. Д. 1. Л. 4.

лиз данного законодательства показал, что в уголовном праве положение мужчин и женщин было одинаковым. Современный принцип равенства всех преступников перед законом, независимо от пола, имел место и во второй половине XIX в. Небольшие “привилегии” (облегченные кандалы, освобождение беременных от тяжелых работ, ограничение в применении телесных наказаний и смертной казни и т.д.) не позволяют говорить об особом статусе женщин в уголовном законодательстве.

Анализ женской и мужской девиации показывает, что на динамику преступности в Царицыне во второй половине XIX — начале XX в. влиял комплекс разнообразных факторов.

Так, ужесточение режима в годы царствования Александра III привело к снижению женской преступности в Царицыне, лишь иногда уровень ее немного поднимался и то только в годы неурожая и экономического кризиса. В начале правления Николая II сохранялся прежний уровень женской преступности в Царицыне, затем на развитие девиантного поведения женщин стало действовать достаточно много факторов (экономический кризис 1900—1903 гг., русско-японская война, революция 1905—1907 гг., Первая мировая война). В то же время показатели женской преступности в Царицыне были крайне низкими и почти неизменными по десятилетиям, особенно в сопоставлении с численностью женского населения. Правонарушительницы, осужденные за крупные преступления, ежегодно составляли от 0,003 до 0,011% от общего числа жительниц города. Всплесков преступности, подобных мужским, у женщин не было⁵.

Как показало исследование, мотивационный комплекс женских девиаций в Царицыне во второй половине XIX в. фактически не зависел от политических процессов, происходивших в государстве, и в большей мере зависел от положения женщины в социуме, семье, а также от ее психологических особенностей. Финансовые преступления женщин почти всегда были активизированы корыстными мотивами, нередко подпитываемыми простой нуждой. Девиантное поведение женщин против личности также достаточно часто было связано со стремлением к удовлетворению личных материальных и других потребностей. В свою очередь агрессия, направленная на семью и близкое окружение, была вызвана эмоциональной реакцией женщины. Важное значение в преступных девиациях женщин имели психологические особенности царицынских преступниц. В преступлениях против городского благоустройства, как правило,

⁵ См.: Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-249. Оп. 2. Д. 1. Л. 4.

доминировали корыстные мотивы и нужда. Преступления против порядка управления наряду с мотивом защитной агрессии (в форме сельскохозяйственных забастовок и погромов имений население проявляло неприятие существовавшего порядка вещей) у женщин в большей степени стимулировались корыстно-потребительскими мотивами, поскольку основная масса женского населения губернии была достаточно аполитична. Преступления против веры во многом были связаны с узостью образования населения. Женские девиации в данный период в Царицыне многогранны, так как они разворачиваются в многомерном социальном пространстве, которое характеризуется массой точек социальной напряженности. Кардинальная ломка старых ценностных ориентиров, традиционно приоритетных для женщины, при выработке официального идеологического курса преломляется в массовом сознании в лучшем случае полным регрессом духовной сферы, а в худшем — активизацией цинизма и открытым отказом от нравственного социального поведения.

Особое место в системе женских девиаций занимало и такое явление как проституция. С 1843 г. проституция была объявлена терпимой. Полиция должна была выискивать женщин, сделавших из проституции ремесло, ставить их на учет и подвергать медицинскому освидетельствованию. Для этих целей в Царицыне и других крупнейших городах были созданы особые врачебно-полицейские комитеты. Было две основных категории проституток: билетные (работающие в публичном доме) и бланковые (работающие на съемных квартирах под присмотром сутенеров). Проститутка была обязана являться в полицию и подвергаться освидетельствованию и медицинскому осмотру два раза в неделю (норма была отменена в 1909 г.). У проститутки отбирался паспорт и взамен выдавалось особое свидетельство, называвшееся “желтый билет”. В Царицыне в 1890 г. было 22 дома терпимости, 32 тайных притона, 65 проститутных домов терпимости, 287 одиночек (это — минимальные цифры, всех перечисленных форм проституции фактически было, видимо, больше). Публичные дома в Царицыне делились на три категории. В борделях высшей категории за визит платили 100 рублей при суточной норме 5–6 человек, средней — 1–7 рублей при суточной норме 10–12 человек и низшей — 30–50 копеек при суточной норме 20 человек и более⁶.

При этом необходимо отметить, что самыми частыми и распространенными женскими преступлениями были покушения на соб-

⁶ Орлов И., Хвостов А. Материалы для уголовной статистики России // Журнал Министерства юстиции. 1860. № 10. С. 54.

ственность, в частности, кражи, совершаемые женщинами, как правило, в одиночку. Оставаясь по-прежнему доминирующим “дамским промыслом”, доля этих посягательств в структуре преступности женщин, несколько сократилась (с 35,7% в 1893 г. до 22,1% в 1900 г.). Эта группа преступлений претерпевает весьма ощутимую качественную трансформацию⁷. Если еще в начале 1890-х гг. отмечалось, что женщины-воровки охотнее совершали кражи общественного имущества, что в какой-то мере оправдывалось не только их индивидуальным, но и групповым сознанием, то затем картина существенным образом изменилась. В 1896 г. 72,2% краж было сопряжено с похищением личного имущества граждан. Изменились и способы совершения этих преступлений.

В начале XX в. грабежи и кражи распространились особенно широко. Из совершенных в марте 1903 г. преступлений по Царицыну, кражи составили более 50%. По сути, они стали ежедневным, повседневым явлением. И все усилия полиции не могли сбить эту растущую волну преступлений против имущества граждан. Особенно низка была раскрываемость так называемых домашних краж, т.е. краж белья и одежды из запертых и незапертых помещений, о которых начальник сыска писал: “Они производились по острой нужде, укравший одежду или белье надевает таковые под свою верхнюю одежду, и найти его составляет неразрешимую задачу, так как раздевать население всего района вокруг происшедшего случая практически неосуществимо”⁸.

В заключении можно сделать вывод, что каждый вид преступления был обусловлен собственными побудительными мотивами. Совершение женщинами преступлений в большой мере зависело от индивидуальных психических особенностей личности, специфики микросреды, в которой она находилась, степени господства патриархальных традиций и силы довлеющего над женщиной общественного мнения. Определенное значение имели особенности развития региона, степень его включенности в политические, экономические и социальные процессы, происходившие в государстве во второй половине XIX — начале XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гончарова О.В. Повседневная жизнь провинциального российского города на рубеже XIX–XX в.: на материалах Нижнего Поволжья: Дисс. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2007 (*Goncharova O.V. Povsednevnaja zhizn'*

⁷ См.: Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-249. Оп. 2. Д. 1. Л. 4.

⁸ См.: Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-249. Оп. 2. Д. 1. Л. 38.

provincial'nogo rossijskogo goroda na rubezhe XIX–XX v.: na materialah Nizhnego Povolzh'ja: Diss. ... kand. ist. nauk. Astrahan', 2007).

Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-249. Оп. 2 (Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO). F. R-249. Op. 2).

Мастюгина Т.М. Русский город, гражданское общество и рынок (исторические предпосылки современных урбанизационных процессов). М., 1992 (*Mastjugina T.M.* Russkij gorod, grazhdanskoe obshhestvo i rynek (istoricheskie predposylki sovremennyh urbanizacionnyh processov). M., 1992).

Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990 (*Mironov B.N.* Russkij gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, social'noe i jekonomicheskoe razvitie. L., 1990).

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 2000. Т. 2 (*Mironov B.N.* Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII — nachala XX vv.): genезis lichnosti, demokraticeskoi sem'i, grazhdanskogo obshhestva i pravovogo gosudarstva: V 2 t. SPb., 2000. T. 2).

Орлов И., Хвостов А. Материалы для уголовной статистики России // Журнал Министерства юстиции. 1860. № 10 (*Orlov I., Hvostov A.* Materialy dlja ugolovnoj statistiki Rossii // Zhurnal Ministerstva justicii. 1860. N 10).

Романова О.Е. Деятельность городского самоуправления Нижнего Поволжья в решении хозяйственных и социальных вопросов в 1870–1914 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2003 (*Romanova O.E.* Dejatel'nost' gorodskogo samoupravlenija Nizhnego Povolzh'ja v reshenii hozjajstvennyh i social'nyh voprosov v 1870–1914 gg.: Diss. ... kand. ist. nauk. Astrahan', 2003).

Рындзюнский П.Г. Городское гражданство пореформенной России. М., 1958 (*Ryndzjunskij P.G.* Gorodskoe grazhdanstvo poreformennoj Rossii. M., 1958).

Трайнин А.Н. Преступность города и деревни // Русская мысль. 1909. № 7 (*Trajnin A.N.* Prestupnost' goroda i derevni // Russkaja mysl'. 1909. N 7).

Царицын в путевых записках, дневниках и мемуарах современников (конец XVI в. — 1917 г.): В 4 т. / Под общ. ред. М.М. Загорюлько. Волгоград, 2005 (*Caricyn v putevyh zapiskah, dnevnikah i memuarah sovremennikov (konec XVI v. — 1917 g.): V 4 t. // pod obshhej red. prof. M.M. Zagorul'ko. Volgograd, 2005).*